

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Нас, участников Великой Отечественной Войны — все меньше и меньше. Вот и еще одного — славного Владимира Карпова — мы проводили в последний земной путь...

С месяцем тому назад я позвонил Владимиру Васильевичу: как себя чувствуешь, надо бы повидаться! “Здоровьем похвастаться не могу, — услышал я в ответ. — Так что давай выбирай день, приезжай ко мне, повидаемся...”

Разговор за чашкой чая, приготовленного Евгенией Васильевною, был неспешным и продолжительным. Вспомнили, конечно же, наш Литературный институт, который нас познакомил, а правильнее бы сказать — подружил в далекие послевоенные годы. И хотя учились мы на разных курсах, руководителем семинара прозы, где мы постигали тонкости литературного ремесла, и у меня, и у него был Константин Паустовский.

Обменялись по-дружески и недавно вышедшими книгами. Свою последнюю, итоговую, почти тысячестраничную книгу Владимир Васильевич назвал не как-то иначе, а “Большая жизнь”. А в разговоре сказал: и чтобы кому-то не померещилась некая нескромность в таком названии, я в предисловии поясняю, что имею в виду не общественную или социальную значимость своей жизни, а ее продолжительность. Она у меня вышла действительно большая, долгая, трудная и счастливая. Пусть соотечественники узнают о ней, она стоит того, не у каждого в судьбе было столько крутых перепадов, сколько довелось пережить мне...

Скромность, как известно, украшает человека, а человека, имеющего звание Героя Советского Союза, — наверное, тем более. Жизнь Владимира Карпова воистину полна крутыми перепадами, но она всегда имела общественную значимость. И если бы мы о нем сказали еще громче — сказали бы, что он Герой нашего смутного времени, — это не было бы каким-то преувеличением. Такое звание им заслужено.

Семён ШУРТАКОВ,
участник Великой Отечественной войны